

20 ДЕК 1983

МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЪ
г. МОСКВА

Ефим КОПЕЛЯН: «ХАРАКТЕР В РАЗВИТИИ»

Ефим Копелян снимается много. В год выходит несколько фильмов с его участием. Копелян работает много на телевидении, на радио. А главное — театр. Ленинградский Большой драматический театр имени Горького. Здесь Копелян работает всю жизнь. Но где бы мы ни встречали Ефима Копеляна: в кино, на телевидении, на радио, не говоря уже о театре, эта встреча несет радость общения с искусством, талантом.

— Я не мечтал с малых лет стать актером, как обычно говорят, — рассказывает Ефим Копелян. — Я, как и все дети, «играл в театр». Попал в театр случайно. Занимаясь на архитектурном факультете Академии художеств в Ленинграде, по вечерам участвовал в массовках в спектаклях Большого драматического театра имени Горького. Потом затянуло. Остался в театре.

— А как вы пришли в кино?

— В кино сыграно более сорока ролей, больших и малых. А начал работу в кино, по существу, с роли попа Гапона в «Прологе», кроме общих сведений, мы об этом человеке очень мало знаем. А ведь нельзя играть схему, надо найти определенные черты характера, присущие образу. Пришлось поискать, почитать.

...Когда работал над ролью Менжинского в фильме «Крах», тоже пришлось много прочесть,

поискать. Это ведь был человек университетски образованный, знавший чуть ли не одиннадцать языков. Это был настоящий чекист, правая рука Дзержинского.

Мне часто приходится работать над образами личностей исторических. Савва Морозов из фильма «Николай Бауман» тоже фигура историческая, противоречивая. Он ненавидел царский строй. Давал деньги на дело революции. Но когда не понимал, что вместе с этой революцией, на которую он жертвует деньги, должны погибнуть его миллионы, он не мог этого переварить.

Трагичной и горькой была его судьба. В своем классе его преследовали, мать и родные не принимали его. Не способный разобраться в противоречиях, он кончает самоубийством.

— Ефим Захарович, какова ваша тема в искусстве?

— Сейчас много говорят об актерской теме. Это ведет, на мой взгляд, к штамповке актера. Он не в состоянии вырваться из этого круга.

Я считаю, что актер должен играть разные роли...

— Вы сыграли более сорока ролей в кино. Среди них, наверное, были работы, не удовлетворившие вас. Бывает так, что вы отказываетесь от роли?

— Я, бывает, отказываюсь от ролей. К сожалению, редко.

Недавно пришлось отказать от крупной роли. Она — схема. А за схемой нет человеческого характера. Дело не в величине роли, а в ее содержании. Я, например, запомнил Константинова в эпизоде из трилогии «Хождение по мукам». Я чувствую за ним глубокую мужническую правду, человечность.

— А чем определяется для вас интерес к роли?

— Мне всегда нравятся роли, где человек не представлен раз и навсегда. А роль должна быть динамичной.

Так, интересно было работать над ролью Джексона в спектакле «Не склонившие головы». Это поддон, верящий только в силу, зараженный расизмом. Но мы видим, что подспудно в нем живут остатки человечности. В конце концов он помогает негру, с которым связан одной цепью. Это интересно. Это не схема. Характер.

Очень плохо, когда роль прямолинейна, схематична, не имеет движения.

Поэтому мне и был интересен Савва Морозов. Надо, чтобы в роли была заложена мысль, идея, а не просто «образочек». Но ролей настоящих мало. Настоящее произведение искусства рождается не каждый день.

— Ефим Захарович, сейчас много говорят о том, что личность актера проявляется в его творчестве.

— В искусстве личность всегда проявляется, если это личность. Если это ремесленник, то в игре проявляется ремесло. Всегда мы ощущаем личность актера на сцене, на экране. Но иногда мы видим хорошую форму, за которой не стоит личность. Главное в актере — поступательное движение. То, о чем говорил Жюль Ренар: «Талант — это непрерывное усилие». Самое высокое счастье, когда человек находится в гуще событий. Вся жизнь имеет значение. Мне часто говорят: «Как ты успеваешь и в театре, и в кино, и на радио?». Я думаю, что у человека много свободного времени. Надо только его использовать.

У актера нет ни минуты, когда бы он не думал о роли. Кончилась репетиция или спектакль, но не кончился творческий процесс. О роли думаешь и дома, и на улице, и за едой, и на даче. Выключение возможно, но, мне кажется, практически оно не существует.

— А какая из ролей, сыгранных вами, ближе всего вам лично?

— Не всегда та роль, которая по общему признанию тебе удалась, является любимой. Иногда долго еще после премьеры работаешь над ролью, которую зрители и критика не причисляют к твоей удаче. Видимо, такая роль становится болезненно любимой, а потому главной. У меня так было и продолжается до сих пор с ролью Вершинина. Мне близко то, о чем говорит Вершинин.

Для меня всегда важно знать, ради чего вышел на сцену, что хочешь сказать. Иногда бывает и так, что вышел случайно. Но в идеале должно быть по-другому. Когда мы говорим «сегодня спектакль хорошо прошел», то значит был полный контакт со зрительным залом, с каждым сидящим в зале. Ради этого и работают актеры.

Интервью провел
В. СТРУГАЦКИЙ.